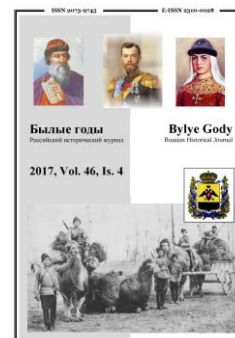

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1322-1332, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1322
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:323.37(47)(574) "1822/1901"

Understanding of Kazakh Volost by Russian Officials of the XIX century

Gulmira S. Sultangalieva ^{a, *}, Tenlik T. Dalayeva ^b, Bakhytzhан U. Malikov ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan

Abstract

The priority task of the Russian government during construction of the Empire was the administrative and territorial regulation of new spaces through the incorporation of traditional institutions of governance into the unified political system of the state. The article examines the views of Russian officials (M. Speransky, S. Bronevsky, P. Gorchakov, K. Gutkovsky and others) on the process of establishing the institute of the volost management system in the Kazakh steppe during the 19th century. Socio-political processes of integration of Steppe required from regional authorities to take into account the peculiarities of lifestyle, and culture of local people.

Russian officials used the features of the nomadic cattle breeding during creation of principles for the regulation of volosts as an administrative and territorial structure. They determined the mechanism of elections and the appointment of volost governors. Authors in article explored the reasons for the changes in the tactics of the regional administration upon introduction of a lower territorial unit, the mechanism for their transformation, various approaches in the process of volost division in the Steppe, and the election of volost governors.

At the first stage under the formation of volosts, they used the principle of combining of close Kazakh families, neighboring nomads and having adjacent winter pastures, instead of direct territorial distribution of pastures.

During the XIX century the views of Russian officials on volost governors also was changed. By the 60s of the XIX century they realized that belonging of volost governor to the privileged estate (sultans) does not give him the opportunity to become an influential figure in the Steppe and guide the policy of the Russian government. This was the impetus for new initiatives to admit honorable Kazakhs to the posts of volosts governors.

Keywords: Kazakh steppe, volost', Russian Empire, Russian officials, volost's ruler, administrative reforms, Kazakh sultans, Russian ranks.

1. Введение

Исследования в гуманитарной науке, посвященные истории Российской империи, долгое время фокусировались на политических аспектах, среди которых важное место занимали такие вопросы как взаимодействие центра и региона (Ремнев, 2000), функционирование высших органов власти, разноплановая деятельность генерал-губернаторов на национальных окраинах Империи (Любичанковский, 2003; Мацузато, 2004). Все исследования в основном были направлены на изучение процесса сверху вниз, а на деле низовые системы управления (волость в дореволюционное время или сельские советы в советское время, сельские округа сегодня) представляют важный пласт, так как охватывает практически все проявления жизни общества, а именно: хозяйство, культуру,

* Corresponding author

E-mail addresses: sultangalievagulmira@gmail.com (G.S. Sultangalieva), tenlik95@gmail.com (T.T. Dalayeva), malikov_bakytjan@mail.ru (B.U. Malikov)

образ жизни. Изучение низшего звена в системе управления российской власти в Казахской степи, представляет особый интерес, так как помогает увидеть не только внедрение термина гражданского и административного права Российской империи XVIII века как «волость» на территорию казахского кочевого общества, но и понять процесс адаптации казахского населения к нововведениям в Степи. Согласно Уставу о сибирских казаках М. Сперанского, волость, как административная структура Российской империи, впервые была введена в 1822 году в кочевьях казахов Среднего жуза, а в конце 60-х годов XIX в. на остальной территории Степи и просуществовала до 20-х годов XX в. Естественно, что волость в Казахской степи имела свои отличия от русской волости, несмотря на то, что в казахских кочевьях был введен такой же принцип административно-территориальной организации волости, как и во внутренних губерниях Российской империи. «Временное положение об управлении степных областей Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» от 21 октября 1868 г. рассматривало «кибитку» как отдельную хозяйственную единицу, принятую в оседло-земледельческих регионах Империи. Вместе с тем, система кочевого хозяйства у казахов указывала на то, что «кибитка» не представляла собой отдельного хозяйства, и каждый кибитковладелец не был «хозяином» в том смысле, каким был русский крестьянин, хозяин двора, собственного земельного участка. Отдельными хозяйствами у казахов являлись группы казахских семейств (5-6 «кибиток»), связанных родственными хозяйственными отношениями и пользующимися общинными зимовьями и летовочными пастбищами. Эти семейные группы именовались как кочевая община (аул), и число «кибиток» зависело от сезона кочевания, от природно-климатических условий, количества скота, пространства зимовочных и летовочных земель, и могло быть неодинаковым. Но в основной документ, регламентирующий жизнь Степи, «Временное положение...» был заложен один критерий формирования волости - равная численность аулов, что создавало определенные удобства для административного управления и назначения должностных лиц, но не для кочевого хозяйства. Законодательные документы российского правительства показывают нам разные подходы в восприятии территории российской властью и кочевым населением. Но как смогли русские чиновники, работавшие в региональной администрации, урегулировать эти противоречия и внедрить волостную систему управления в Степи на протяжении XIX в.? Такая постановка проблемы обращает внимание на то, что в исторической литературе не исследовались взгляды русских чиновников на механизм и подходы в процессе создания волостной системы управления.

2. Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили принцип историзма и принцип объективности. Для анализа механизма формирования волостей принцип историзма очень важен, так как позволяет нам проследить их территориальную структуру, их изменения, развитие и переход в новое состояние в процессе административно-территориальных преобразований имперской властью. Принцип объективности, ориентированный на объективный анализ и оценку фактов, относящихся к данной теме обеспечил достижение истинного знания, что является важнейшим требованием науки.

При воссоздании целостной картины исследования мы опирались на целостный массив источниковедческой базы: законодательные документы Российской империи, позволившие внедрить волостную систему управления в Казахской степи, а именно Устав о сибирских казаках (1822), (ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830: 417-433) Положение об управлении Семипалатинской области (ПСЗРИ-2. Т. XXIX, 1854: 492-506), Положение Сибирского комитета об изменении порядка выборов волостных управителей в Казахской степи и в Семипалатинской области (4 апреля, 1861) (ПСЗРИ-2. Т. XXXVI, 1861: 557-558), Мнение Государственного совета о сроках, правах и преимуществах службы волостных управителей в областях Сибирских казахов и Семипалатинской (16 мая, 1866). (ПСЗРИ-2. Т. XLI, 1866: 554), «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г. (Масевич, 1960: 323-340), Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» от 25 марта 1891 г. (ПСЗРИ-3. Т. XI, 1891: 133-147), где отражены законодательные принципы формирования волости, условия служебной деятельности волостного управителя и т.д.

Документы центральных архивов Казахстана позволили выявить основные принципы организации волостей, их родо-племенной состав, динамику изменения территории волости, какие влиятельные группы казахских султанов, биев, старшин смогли закрепиться на уровне местной исполнительной власти.

Взгляды русских чиновников, работавших в органах управления Казахской Степью, и внедрявших российскую систему управления дают возможность сравнивать процесс организации волостной системы поэтапно по регионам Казахстана.

В качестве основных методов исследования были использованы историко-сравнительный, историко-системный, а также междисциплинарные методы. Все перечисленные методы применялись в комплексе.

3. Обсуждение

Одним из приоритетных направлений в мировой истории является социальная история, позволяющая переосмыслить с новых методологических позиций исторические источники и литературу, разнообразные по своему содержанию и значимости для изучения социокультурных тенденций различных обществ. Изучение такого феномена в новой истории Казахстана, как институт волостных управителей, представлявшее низшее звено в системе управления российской власти в Степи, является необходимым, так как позволяет понять изменения в структуре управления Степью, степень трансформации традиционного образа жизни казахов, серьезных сдвигов в кочевом хозяйстве, появлении новых социо-культурных явлений. По сути своей на протяжении XIX в. формировался новый тип управленца в Степи – волостной управитель.

В современной историографии институт волостных управителей XIX – начало XX вв., практически не изучен. В исторической науке преобладают пока работы по изучению процесса внедрения российской властью административных реформ в Степи и его последствия по разрушению традиционной системы управления, в частности казахстанские историки С. Зиманов (Зиманов, 1958, 1960; Зиманов, 2009), Б. Абдрахманова (Абдрахманова, 2010), К. Жиренчин (Жиренчин, 1996), Ж. Джампеисова (Джампеисова, 2006), А. Рахимбекова (Рахимбекова, 2004), зарубежные исследователи А. Быков (Быков, 2006), С. Величенко (Velychenko, 1995), Дж. Бёрбанк и Ф. Купер (Burbank, Cooper, 2010) и др.

В этих исследованиях дана только фрагментарная информация о складывании волостной системы управления в контексте политики царского правительства, отсутствует информация о механизме определения территории волостей, принципах выборов волостных и т.д. В историографии присуща тенденция изучения деятельности центральных правительственных учреждений XIX – начало XX вв. Российской империи (Ерошкин, 1968; Зайончковский, 1978), ханской власти в Степи, ее эволюции (Ерофеева, 2001; Ерофеева, 2003; Касымбаев, 1995; Касымбаев, 2000; Martin, 2010), но не низшего звена управления в казахском кочевом обществе.

Эта тенденция объясняется как объективно высоким значением высших органов управления в такой централизованной системе управления, какой была Российская империя, так и субъективными причинами – интересом историков к первым лицам управления, которые решали вопросы государственной важности, принимали законы, разрабатывали концепции или модели развития страны и т.п. Однако не менее актуальным является изучение местной администрации, осуществляющей непосредственное управление населением и являющейся посредником между представителями различных органов управления и центра. Именно волость как основная территориально-административная структура даст возможность разглядеть изменения взглядов русских чиновников, понять эволюцию их подходов в процессе адаптации казахского населения к нововведениям. Необходимость нового обращения к феномену волостных вызвана также обогащением наших представлений о социальной стратификации. В советской историографии традиционно рассматривались социо-культурные изменения с точки зрения классовой теории социальной стратификации. Для глубокого понимания социо-культурной жизни казахского общества назрела необходимость исследования взглядов и деятельности русских чиновников по внедрению волостной системы управления и раскрытие особенностей, способов и моделей управления и властвования. Фронтальная проработка источников, несущих в себе разностороннюю информацию и об экономических, демографических, социальных структурах и процессах в рамках волости приведет к расширению проблематики исследований.

4. Результаты

Известный общественный деятель и реформатор Российской Империи первой половины XIX в. Михаил Сперанский (1779–1839) понимал, что административное оформление территории имело приоритетное значение и являлось важным актом российского правительства включения ее в состав Империи. Именно он воплотил свое видение системы государственного управления и в Казахской степи (Почекаев, 2017: 138). М. Сперанский предложил вертикальную модель управления: аул-волость-округ-область-генерал-губернаторство. Он отмечал, что «начальник волостного управления будет отвечать один начальнику окружному, сей губернскому, а он министерству. Таким образом, все части управления придут в надлежащее единообразие и от министра до последнего волостного начальника дела пойдут, так сказать, прямою линией, не кружась, как ныне, во множестве изворотов, где не можно найти ни конца, ни следов разным злоупотреблениям» (Сперанский, 1905: 112). Этот принцип единообразия был положен в основу административных изменений 1822 г. и на территории Сибири и в казахских кочевьях Среднего жуза. Казахи Среднего жуза согласно «Уставу об управлении инородцев» были причислены к кочевым «инородцам» и «управлялись по особому о них Уставу» (ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830 а: 394). М. Сперанский, как представитель сословной Империи, считал, что султаны, являвшиеся на протяжении столетий «высшим наследственным сословием» в казахском кочевом обществе, должны стать опорой в процессе административных преобразований в системе местного управления. Согласно его видению, султан мог быть избран не только на должность «старшего султана» в окружном приказе, но и волость должна управляться султанами (§ 16, Устава о сибирских казахах). М. Сперанский считал, что власть султана в волости наследственная и должна

переходить по прямой нисходящей линии (§§ 30-31, Устава о сибирских казахах). Более того, М. Сперанский включил в статьи Устава о сибирских казахах принцип ранжированности классовых чинов казахами, находившимися на должности. Согласно § 54, султаны, управляющие волостями, становились чиновниками 12-го класса. Этим самым Михаил Сперанский заложил законодательную основу и критерии формирования казахского чиновничества в Степи.

Согласно Уставу о сибирских казахах территория казахов Среднего жуза в административном отношении входила в состав создаваемой Омской области и делилась на округа, которые должны были включать от 15 до 20 волостей, а волости в свою очередь от 10-12 аулов (ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830b: 417). Заслуга М. Сперанского состояла и в том, что им был заложен и принцип создания волостей на основе объединения казахских родов и соседнего расположения: «§ 8. Округи преимущественно составляются из тех волостей, кои считаются в одном роде или поколении, обыкли уже быть совокупно, и из волостей, им соседственных» (ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830b: 417). Однако это было теоретический проект, который нужно было реализовать на практике. Первые шаги по построению административной вертикали, доходящей до волости и аула, и формирования нового пространства, и в дальнейшем повышение управляемости Степью легли на плечи первого начальника Омской области, полковника Семен Богдановича Броневского (1823-1827). Он имел опыт военных действий на Северном Кавказе (участвовал в операциях в Кабарде) и Персии, но впервые столкнулся с сложным вопросом создания низовой административной структуры в кочевом обществе, что требовало от него не только управленческие способности, но и знания кочевой культуры, хозяйства. Нужно отдать должное, что С.Б. Броневский в первую очередь предложил обратить внимание на уже сложившиеся объединения казахских родов в кочевую общину. При этом он понимал, что на первом этапе создания волостей важно придерживаться не административно-территориального принципа создания волостей, а принципа объединения казахских родов под управлением отдельного родоправителя. На самом деле, используя систему разделения казахского кочевого общества на роды и подроды, придавать низовой системе управления казахами административный смысл. Более того, начальником Омской области был предложен принцип постепенности и добровольности создания волостей. В своем предписании Каркаралинскому окружному приказу от 11 апреля 1824 г. С.Б.Броневский писал, что в процессе создания волостей, не желательно разделять казахские роды «пока не представится к тому удобного времени и побудительных причин». При этом он сделал акцент на возможность «ускорить разделение» только в том случае, если «на сие изъявят желание сами казахи». С.Б. Броневский подчеркивал, что создаваемые волости Каркаралинского внешнего округа состояли под управлением покойного хана Букея (Масевич, 1960: 113), но как формировать территориальные очертания каждой волости, включающей родовые объединения казахов, С.Броневский видел этот процесс в изучении кочевых маршрутов казахских родов и определения стационарных пунктов в местах их зимних кочевков. Не случайно, С.Б. Броневский в своем письме старшине Баимбету Кунаеву от 22 июня 1824 г. подчеркнул, что казахам, намеревающимся кочевать далее в степь, «никакого запрещенья ныне и в летнее время куда им угодно, но к зиме должны же возвратиться на прежние места» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 337. Л. 6-6 об.). Сбор информации о зимних кочевках казахских родов и контроль за кочевыми маршрутами приобретают важное значение для успеха административного оформления волостей в процессе реализации основных положений Устава 1822 г.

В июне 1824 г С. Броневский рекомендовал заседателю Каркаралинского внешнего окружного приказа А.Л. Бубеннову: «...начать образование волостей с немногих так, чтобы первые волости, в которых порядок учредится, послужили примером и для других» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 348. Л. 12-12об.). На протяжении июля-августа 1824 года были созданы первые две волости: Сырым-Каракисекская и Чур-Каракисекская. Название волостей соответствовало наименованию родов, вошедших в состав этой административной структуры. 13 июля 1824 г. состоялись первые выборы волостного управителя в Сырым-Каракисекской волости Каркаралинского внешнего округа на летних кочевьях казахов, при реке Нур. Волостным был избран султан, майор Газы Букейханов, а 1 августа 1824 года был избран султан Батыр Букейханов управителем Чур-Каракисекской волости (Масевич, 1960: 119). С. Броневский считал важным использовать и тот факт, что избранные волостные султаны будут получать жалование и это станет стимулом для других султанов, которые поймут, что «жалованье не иначе должно производится им, как по устройству волостей, будут сами домогаться у народа о разделении волостей и о выборе управляющих...» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 348. Л. 12-12об.).

Через два года после создания волостей, в мае 1826 г., начальник Омской области решил проверить реалии проведенной им административной реформы на территории Каркаралинского внешнего округа. Результаты оказались плачевными. С.Б. Броневский пришел к мнению, что созданные волости «не получив надлежащего разделения, определенного Уставом, не имеют до сего времени никакого образования», и волостные султаны, несмотря на то, что избраны и утверждены Каркаралинским окружным приказом, не знали своих функциональных обязанностей и были «известны только по одному названию волостных правителей и то в порядке письменных дел, а в самом существе звание сие остается без смысла, без значения в одном произвольном признании или не признании онога казахами» ...» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 443. Л. 22).

С. Броневский осознал, что созданные ими волости оказались аморфными, не имели определенных границ и не включали в свой состав аулы. Волостной султан оказался номинальной фигурой, который выполнял функции родоправителя, но не волостного и не имел над подведомственными ему казаками той власти, которая понималась русскими чиновниками. И начальник Омской области приступил к разработке новой стратегий действий для реализации Устава 1822 г. Во-первых, он посчитал важным создание волостей в кочевьях старшего султана Каркаралинского внешнего округа Турсуна Чингисова, который находясь на должности «вероятно будет содействовать» этому процессу сам и заложит пример оформления волости для остальных казахских родов. Во-вторых, С. Броневский впервые поставил вопрос о создании волости как административной структуры, которая бы включила такие административные единицы в своем составе, как аулы в соответствии с § 5 Устава о сибирских казаках. Аулы возглавлялись бы старшинами, которые должны были быть подотчетны волостному управителю. Этим самым фигура волостного султана становилась бы более значимой и весомой в казахском кочевом обществе и представляла бы часть вертикальной структуры власти. И более того, начальник Омской области понимал, что ключевой фигурой в казахском кочевье должен стать волостной султан, и чтобы придать ему «более силы и весу в народе» посчитал нужным определить из стражи, состоящей при окружном приказе к каждому волостному султану по 10 казаков с «благонадежным урядником», которые постоянно находились бы при управителе (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 443. Л. 21-22об.).

Эти же предложения по организации волостей были направлены и в Кокчетавский внешний окружной приказ (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 443. Л. 23об.). С. Броневский понимал, что граница созданных волостей была изменчива и зависела от сезона кочевания. Он подчеркивал, что волости Кокчетавского внешнего округа летом разделялись на три части: к реке Ишиму, Нуре, и к линии Петропавловского округа, а Каркаралинского округа «все вместе» следовали до реки Большой Нур (Броневский, 1830: 78-80). Одновременно он обратил внимание на то, что «всякая волость и аул зимуют на одних и тех же местах, что и называют своим домом» (Броневский, 1830: 72). На самом деле, Семен Броневский, имевший почти двадцатилетний опыт работы в полиетничном сибирском регионе, вникнул в особенности развития казахского кочевого хозяйства, свидетельством этому стала его работа «Записка о киргиз-кайсаках Средней орды», где С.Б. Броневский обобщил свои наблюдения и опыт по внедрению административной реформы на территории Среднего жуза.

С 1827 года начался новый этап формирования волостей и связан с новыми назначениями должностных лиц в этот регион. Генерал-майор Василий Иванович де Сет-Лоран был назначен начальником Омской области, а через полгода, с лета 1827 года к своим обязанностям приступил новый генерал-губернатор Западно-Сибирского генерал-губернаторства, генерал-лейтенант Иван Александрович Вельяминов (1827-1836). Естественно начался сбор статистических сведений и сбор материала по подведомственному им региону. В первую очередь важно было узнать систему формирования волостей, которая могла отразить реальное состояние хозяйства, образа жизни и культуры местного населения. Новоиспеченный начальник Омской области В.И. де Сет-Лоран поручил Каркаралинскому и Кокчетавскому внешним окружным приказам доставить «самовернейшие сведения о всех волостях, вошедших в управление округа, с означением их родов и родоначальников, и также и того, когда они именно поступили в состав округа, на какое расстояние кочуют от Приказа; в каких именно местах занимают кочевки, как они обширны, сколько какой родоначальник имеет под своим управлением кибиток и нельзя ли приложить карту кочевым местам» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 473. Л. 2-2об.). Сибирскую региональную администрацию интересовали вопросы территории казахских кочевий и «какой султан кибитками управляет», и желательным было для них иметь именные списки всех султанов (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 473. Л. 1).

В результате требований региональных властей к 1831 году внешние окружные приказы Омской области ввели такой важный документ в делопроизводственной документации как ведомости «о всех волостях, состоящих в ведении приказа». Ведомость стала информативным источником для региональных властей, ибо включала не только имена волостных управителей, аульных старшин, биев, но где именно «онные волости» имели зимние кочевья, и насколько далеко откочевывали в летнее время. При этом подробно должны были описываться названия всех урочищ, «по коим онные кочевали» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 539. Л. 1). Этот же принцип накопления данных о местах расположения кочевий казахских родов продолжался при генерал-губернаторе Западной Сибири, князе Петр Дмитриевиче Горчакове. Он поручил пограничному начальнику сибирских казаков Н.Ф. Вишневному «...немедленно озаботиться сим предметом с тем: ...с) волости росписаны к прилегающим округам по смежности их кочевок, родоприсхождению и сколько возможно по их желанию» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 806. Л. 1). Как мы видим из этого документа, в конце 30-х годов XIX в. сохранялся принцип «соседственного» расположения волостей, объединения казахских родов и в одну административную структуру. Даже существовала практика создания волостей на основании объединения отдельных подгрупп, в частности казахских родов аргын, уак и др. Свидетельством этому явились названия волостей Кушмурунского внешнего округа Бейдалы-Уваковская и Янсары-Уваковская, Актачи-Аргыновская, Курлеут-Кипчаковская и др. (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4198. Л. 18). Принцип сохранения за казахскими родами места зимних кочеваний соблюдался и в 50-х годах, независимо от создания новых административных единиц, в частности, как Семипалатинская область

и Область сибирских казахов (май, 1854 год). Предстояло разграничить их территории, особенно пограничные между ними волости. Военный губернатор Семипалатинской области, полковник П.М. Спиридонов подчеркнул, что «первым и главным соображением остается бесспорное разделение пастбищ по правам прежнего владения и избежания всякой чрезполосности» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 235. Л. 5-5 об.).

Критерием образования волости по Временному Положению об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств от 21 октября 1868 года остался подход «соседственности аулов по земельному пользованию зимними пастбищами» (Масевич, 1960: 327). Этот же принцип был сохранен и в Положении об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 года (ПСЗРИ-3. Т.ХІ, 1891: 139).

Если российская власть почти на протяжении полувека практически не изменила подходы к созданию волостной территориально-административной структуры в Степи, то регламентация должностных полномочий волостного управителя постепенно конкретизировалась. Согласно статьям Устава о сибирских казахах волостным управителем мог быть только султан, имел право передать власть по наследству и исполнять свои обязанности неограниченное время. И только спустя сорок лет, Сибирский комитет 4 апреля 1861 г. утвердил Положение о порядке выборов волостных управителей в Казахской степи и в Семипалатинской области (ПСЗРИ-2. Т.XXXVI, 1861: 557-558). Этот законопроект зафиксировал факт, что идея российского правительства опираться только на султанское сословие не была реализована в действительности. Так, в 1839 г. из 16 волостных управителей Акмолинского внешнего округа было только 4 султана, а в Кокчетавском округе из 9 управителей только трое относились к султанскому сословию (Зиманов, 2009: 196). К 1860 годам, по данным Совета областного управления сибирскими казахами, из 77 волостных управителей только 11 были султанами (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 707. Л. 5-8). Поэтому Положение от 4 апреля 1861 года внесло существенные поправки о порядке выбора волостных управителей. Согласно данному закону к управлению волостями допускались лица не султанского происхождения, а именно казахи, имевшие офицерские чины, военные ордена, медали или «почетные кафтаны», пожалованные генерал-губернаторами. В случае же избрания на должность управителя влиятельного и уважаемого казаха, не имевшего ни одно из перечисленных «отличий», то он определялся как исполняющий должность, до получения по службе чина или медали. Нововведения стали отражением смещения акцентов российского правительства при назначении на должности в Степи. С одной стороны, «при помощи Табели о рангах производился как бы, постоянный отбор лучших элементов», а с другой стороны указанные посты стали занимать выходцы из степной элиты (бии, старшины) (Султангалиева, 2015: 666).

В феврале 1862 г. председатель областного правления сибирских казахов, полковник, Карл Казимирович Гутковский внес два существенных предложения: 1. об определении 3-х летнего срока службы волостных управителей; 2. за три трехлетия службы награждать волостных управителей офицерским чином сотника (Масевич, 1960: 193). Он считал, что на первом этапе (20–50-е годы XIX в.) принцип сохранения за волостными султанами наследственного права управления имело свои основания, но постепенно изменилось положение султанов и отношение населения к ним. Свое предложение он основывал на «Положении» от 4 апреля 1861 о допуске к управлению волостями казахов не султанского происхождения, имеющих чины, медали и другие знаки отличия. И наконец, он отметил, что «бессрочная служба волостных управителей, когда для всех других должностей определены сроки, не совместна с общею системою службы по выборам и устраняет многих достойных и способных ордынцев от полезной деятельности на поприще общественной службы». (Масевич, 1960: 193). По сути своей, Карл Гутковский поднял очень важный вопрос: как могли российские власти регулировать взаимодействие с волостным, оказывать влияние или давление, если срок службы волостного управителя не зависел от региональной администрации, в отличие от старших султанов внешнего округа или заседателей окружного приказа, срок службы которых определялся трехлетним периодом. В мае 1866 г. предложения полковника К.К. Гутковского были утверждены Государственным советом и внесены в соответствующий пункт Устава по службе по выборам сибирских инородцев (Масевич, 1960: 200). Норма о трехлетнем сроке службы в должности волостного управителя будет затем введена в Проект положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей (от 11 июля 1867 г.) и по Временному Положению об управлении степных областей Оренбургского и Степного генерал-губернаторств (от 21 октября 1868 г.)

Интересным для понимания роли волостного управителя в Степи стал и тот факт, что российские чиновники подняли вопрос о том, что нужно ли оставлять волостных, как представителей местного управления, подсудными обычаям казахского народного суда. И насколько правомочен народный суд рассматривать дела об ослушании и оскорблении казахами волостных управителей, если они являются представителями русской власти на местах? На самом деле волостной управитель мог быть утвержден на должность только военным губернатором области. И как могут российские власти защитить достоинство и статус должностного лица, в данном случае волостного. При обсуждении данного вопроса, региональная администрация, в частности Тургайское областное правление обратило внимание на то, что десятилетний опыт управления казахами по «Временному положению» весьма ясно показал «все невыгоды для русской власти» от того, что все дела против порядка управления рассматривались по обычаям казахов и в результате наблюдалось

«прогрессивное увеличение этого рода проступков». В виду таких неблагоприятных последствий областное правление ходатайствовало в 1881 году все дела казахов по преступлениям и проступкам против порядка управления (указанные в IV разделе Уложения о наказаниях изд. 1866 г. и в 29-34 ст. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) подчинить ведомству русского суда по общим уголовным законам Империи» (Масевич, 1960: 341-342). В результате 9 июля 1881 года оренбургский генерал-губернатор разрешил подчинить подобного рода дела ведомству уездных судей или областному правлению по принадлежности вместо народных судов. Такое же разрешение дано и военному губернатору Уральской области. Знаменательно, что только спустя почти шестьдесят лет (1881-1882), после образования волостей стал разрабатываться вопрос о создании единых правовых норм относительно должностных лиц волостного управления, а именно: «...необходимо принять за правило: ко всем поступкам должностных лиц и случаям, сопрягающимся с выборами, как не значительными и маловажными они не казались бы, относиться весьма строго и соблюдать по возможности общие законоположения, относящиеся к этого рода делам». Одновременно прорабатывался вопрос создания единой делопроизводственной документации в ходе выборов волостных. Областное правление предлагало изменить существующий порядок подшивки документов по выборам и формированию волостей в одно дело по всему уезду. При этом они отмечали, что в этот перечень документов должны входить избирательные списки должностных лиц, все сведения по этим лицам, прошения, заявления по поводу нарушения процедуры выборов и «другие жалобы, имеющие какие-либо соприкосновение к ним...» (Масевич, 1960: 345-346). Строгое соблюдение норм российского законодательства послужило бы, по мнению комиссии, ревизовавшей уездные управления Степного генерал-губернаторства в 1882 г., основанием для управления волостями и сохранения порядка в них, тогда как «...какой-либо несоответственный шаг в этих отношениях производит беспорядки в волости на много лет» (Масевич, 1960: 343).

Следующий фактор, который оказывал влияние на деятельность волостного управителя, явился, по мнению региональной администрации, степень овладения волостными управителями русской грамотности и языка. 17 января 1897 г. военный губернатор Тургайской области Я. Барабаш издал циркуляр о необходимости знания русского языка волостным, аульным старшинам, ибо «как должностные лица, они обязаны не только знать законы и распоряжения начальства, но и блюсти за точным их исполнением». Волостные, по мнению военного губернатора должны были отличаться «преданностью Правительству и особо полезным влиянием на население». Исходя из этого, знание государственного языка, на котором ведется делопроизводство, явилось «безусловно необходимым», ибо способствовало зависимости волостного от письмоводителя, а при отсутствии последнего «важные административные распоряжения подолгу оставались без исполнения» и деятельности волостных управителей наносился «существенный ущерб» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1613. Л. 13). Вместе с тем, учитывая, что многие «из числа лучших и почетнейших» казахов не имели возможности получить русское образование и для избежания «устранения их от должностей», Я. Барабаш предложил 12-летний период (4-трехлетие, что соответствовало выборам в общественное управление) на постепенную замену волостных лицами, получившими русское образование. При этом им был выделен 1899 г. - как переходный этап, когда при назначении на должность волостных, предпочтение будет отдаваться лицам, знающим русский язык, если баллотирующий будет обладать одинаковыми личными достоинствами и получит одинаковое число избирательных голосов. На следующее трехлетие (1902) предпочтение будет отдаваться лицам, получившим русское образование, даже при условии меньшего числа голосов в сравнении с их конкурентами. И, наконец, на четвертое трехлетие, казахи, не получившие русского образования, должны были «не допускаться на должность волостных». Я. Барабаш считал, что за десятилетний период казахи, желающие сделать своих сыновей правоспособными занять должность волостного, имеют возможность заблаговременно отдать их в русские школы (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1613. Л. 13-13об.). Анализ послужных списков волостных Тургайской области показал, что к началу XX в. действительно среди волостных уже не было лиц, не знающих русский язык. Все они были, по крайней мере, выпускниками 2-х классов русско-казахских училищ. Такие же тенденции происходили в Семипалатинской области. Так, и.д. военного губернатора Семипалатинской области, статский советник А.Н. Тройницкий писал в своем отчете за 1910 г. о мерах, предпринимаемых им для улучшения системы волостного управления, а именно впервые им было предъявлено требование, чтобы лица, баллотирующиеся на должности волостных управителей и кандидатов к ним, знали русский разговорный язык. В противном случае, лиц, не знающих русского языка, военный губернатор не собирался утверждать в этих должностях. При этом, он подчеркивал в своем отчете, что стремление казахов занять должность и стать волостным управителем мотивировало их изучать русский язык, тратя значительные средства на наем учителей» (Масевич, 1960: 422-423).

5. Заключение

На протяжении XIX в. менялись взгляды российских чиновников на принципы и методы организации волостей как низовой структуры управления Степи, назначения волостных управителей как представителей русской власти на местах. Их взгляды на волость, как административную структуру, зависели от степени социально-политического интегрирования разных территорий

Казахской Степи и требовали учета особенностей образа жизни, быта, культуры казахского народа. Сложность действий российских чиновников в регионе определялась и тем, что на ее территории проживало население, которое отличалось хозяйственно-культурным типом от основного населения Империи. И эти отличия, в первую очередь, заключались в кочевом скотоводческом хозяйстве. И для российских чиновников сложнее было выстроить линию сотрудничества с представителями кочевой культуры, чей образ жизни значительно отличался от оседлого населения. Социальные институты волостных управителей были для российских чиновников важны и необходимы, так как установление ими административной вертикали управления давало прямой канал воздействия на остальное местное население и в конечном итоге – контроль над территорией всех казахских кочевий.

На протяжении XIX в. в Казахской степи постепенно произошло формирование российских государственных учреждений (областное, уездное волостное управление) и создание территориальных структур (области, уезды, волости, аулы). Инициативы российских чиновников (С. Броневского, П. Горчакова, К. Гутковского и других) позволяют выяснить причины изменения тактик региональной администрацией при внедрении низовой территориальной единицы, механизм их преобразований, различные подходы в процессе волостного деления в Степи, выборов волостных управителей. Если на первом этапе образования волостей ими был использован принцип объединения близких родовых групп, соседственно кочующих и имеющих смежные зимние пастбища, вместо прямого территориального распределения пастбищ между этими группами, то в 1860-х годах сохранился только принцип «соседствования». В целом, в содержании административных реформ 1868 и 1891 годов не были предложены новые нормы и правила для организации волости в Казахской степи.

На протяжении XIX в. изменились взгляды русских чиновников и на волостного управителя. К 1860-м годам они осознали, что принадлежность волостного управителя к привилегированному сословию (султанам) не дает возможности стать ему влиятельной фигурой в Степи и проводником политики российского правительства. Взаимодействие русских чиновников с казахским населением показало им, что в кочевой культуре старшина, бий может быть более весомой личностью. Это стало толчком к новым инициативам о допуске почетных казахов на должности волостных. Практический опыт управления позволил русским чиновникам и регламентировать в дальнейшем обязанности, сроки пребывания волостного на должности (3 года), организация ими делопроизводственной документации. Свидетельством проникновения российских атрибутов власти в Степь стал документ, инициированный русскими чиновниками областного правления оренбургского генерал-губернаторства об уравнивании волостных управителей в правовом статусе с российскими должностными лицами. Показателем изменения социо-культурной ситуации в Степи к 80-м годам XIX в. стал и тот факт, что русские чиновники выдвинули перед волостными управителями требование знания русского языка, как обязательного условия для утверждения в должности волостного управителя.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) (№1167/ГФ 4).

Литература

Абдрахманова, 2010 – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда, 2010. 242 с.

Безвиконная, 2013 – Безвиконная Е. Геополитическое пространство Степного края: Омская область и проблема границы в государственном строительстве Российской империи (20-30-е годы XIX века) // Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири. Серия Новые границы. М.: Новое издательство, 2013. 296 с., С. 72–93. // Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space: сайт. - URL: <http://abimperio.net/books/region.pdf> (дата обращения: 10.08.2017.).

Броневский, 1830 – Броневский С.Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. СПб., 1830. Часть 43. № 123. С. 70–97.

Быков, 2006 – Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества (1731–1917 гг.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2006. 42 с.

Джампеисова, 2006 – Джампеисова Ж. Казахское общество и право в пореформенной степи. Алматы, 2006. 269 с.

Ерофеева, 2001 – Ерофеева И.В. Символы казахской государственности. Позднее средневековье и новое время. Алматы, 2001. 152 с.

Ерофеева, 2003 – Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). Алматы, 2003. 178 с.

Ерошкин, 1968 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 368 с.

Жиренчин, 1996 – Жиренчин К. А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. Алматы, 1996. 352 с.

- Зайончковский, 1978** – *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. 288 с.
- Зиманов, 1958** – *Зиманов С.З.* Общественный строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX вв. Алма-Ата, 1958. 296 с.
- Зиманов, 1960** – *Зиманов С.З.* Политический строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX в. Алма-Ата, 1960. 293 с.
- Зиманов, 2009** – *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века и Букеевское ханство. Алматы, 2009. 400 с.
- Касымбаев, 1995** – *Касымбаев Ж.К.* Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. Алматы, 1995. 122 с.
- Касымбаев, 2000** – *Касымбаев Ж.К.* Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков (1790–1847). Алматы, 2000. 188 с.
- Любичанковский, 2003** – *Любичанковский С.В.* Губернское правление в системе губернской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала). Екатеринбург, 2003. 275 с.
- Масевич, 1960** – *Масевич М.Г.*, сост. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т.1. Алма-Ата, 1960. 441 с.
- Маузузато, 2004** – *Маузузато К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С.427-458.
- Почекаев, 2017** – *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.
- ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830a** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXXVIII. № 29126. 1354 с.
- ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830b** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXXVIII. № 29127. 1354 с.
- ПСЗРИ-2. Т. XXIX, 1854** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1854. Т. XXIX. № 28255. 910 с.
- ПСЗРИ-2. Т. XXXVI, 1861** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1861. Т. XXXVI. Ч. 1. № 36816. 1057 с.
- ПСЗРИ-2. Т. XLI, 1866** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1866. Т. XLI. Ч. 1. № 43306. 1079 с.
- ПСЗРИ-3. Т. XI, 1891** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. III. СПб., 1891. Т. XI. Ч. 1. № 7574. 685 с.
- Рахимбекова, 2004** – *Рахимбекова А.К.* Роль имперского фактора в трансформации казахского общества (XIX – начало XX вв.): дис... канд. ист. наук. Алматы, 2004. 154 с.
- Ремнев, 2000** – *Ремнев А. В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и дальний Восток) // *Ab Imperio*. № 3-4. С.343-358.
- Сперанский, 1905** – *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). Издание "Русской мысли". М., 1905. 120 с. // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: сайт. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm> (дата обращения 10.08.2017).
- Султангалиева, 2015** – *Султангалиева Г.С.* Казахские чиновники Российской империи XIX в.: особенности восприятия власти // *Cahiers de monde russe*. 2015. 56/4 Octobre-décembre. С. 651-679.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан
- Burbank, Cooper, 2010** – *Burbank, Jane and Frederick Cooper.* Empires in World History. Power and the Politics of Difference. Princeton University Press, 2010. 511 p.
- Martin, 2010** – *Martin V.* Kazakh Chinggisids, land and political power in the nineteenth century: a case study of Syrymbet // *Central Asian Survey*. 2010. Vol. 29. pp.79-102.
- Velychenko, 1995** – *Velychenko S.* Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // *Russian Review*. 1995. Vol. 54 (April). № 2. pp.188-208.

References

- Abdrakhmanova, 2010** – *Abdrakhmanova B.M.* (2010). Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noye ustroystvo v XIX veke. [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIX century]. Karaganda. 242 p. [in Russian].
- Bezvikkonnaya, 2013** – *Bezvikkonnaya Ye.* (2013). Geopoliticheskoye prostranstvo Stepnogo kraya: Omskaya oblast' i problema granitsy v gosudarstvennom stroitel'stve Rossiyskoy imperii (20-30-ye gody XIX veka) [Geopolitical space of the Steppe region: Omsk region and the border problem in the state building of the Russian Empire (20-30s of the XIX century)] // *Region v istorii imperii: Istoricheskiye esse o Sibiri. Seriya Novyye granitsy.* [Region in the history of the empire: Historical essays on Siberia. A series of new

boundaries]. M.: Novoye izdatel'stvo. 296 p., pp. 72–93. // Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space: site. URL: <http://abimperio.net/books/region.pdf> (reference date is August 10, 2017). [in Russian].

Bronevskiy, 1830 – *Bronevskiy S.B.* (1830). Zapiski o kirgiz-kaysakakh Sredney ordy [Notes on the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. *Otechestvennyye zapiski*. SPb. Part 43. no. 123. pp. 70–97. [in Russian].

Bykov, 2006 – *Bykov A.Yu.* (2006). Rossiyskaya pravitel'stvennaya politika v stepnykh oblastiakh i transformatsiya traditsionnogo kazakhskogo obshchestva (1731–1917 gg.) [Russian government policy in the steppe regions and the transformation of traditional Kazakh society (1731–1917)]: avtoref. diss. ... dr. history sciences. SPb. 42 p. [in Russian].

Dzhampeisova, 2006 – *Dzhampeisova Zh.* (2006). Kazakhskoye obshchestvo i pravo v poreformennoy stepi. [Kazakh society and law in the post-reform steppe]. Almaty. 269 p. [in Russian].

Yerofeyeva, 2001 – *Yerofeyeva I.V.* (2001). Simvoly kazakhskoy gosudarstvennosti. Pozdneye srednevekov'ye i novoye vremya. [Symbols of the Kazakh statehood. Later the Middle Ages and modern times.]. Almaty. 152 p. [in Russian].

Yerofeyeva, 2003 – *Yerofeyeva I.V.* (2003). Rodoslovnnyye kazakhskikh khanov i kozha XVIII–XIX vv. (istoriya, istoriografiya, istochniki). [Pedigrees of Kazakh khans and kozha of the XVIII–XIX centuries. (history, historiography, sources)]. Almaty. 178 p. [in Russian].

Yeroshkin, 1968 – *Yeroshkin N.P.* (1968). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii. [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. M., 1968. 368 p. [in Russian].

Zhirenchin, 1996 – *Zhirenchin K.A.* (1996). Politicheskoye razvitiye Kazakhstana v XIX – nachale XX vekov. [Political development of Kazakhstan in the XIX – early XX centuries]. Almaty. 352 p. [in Russian].

Zayonchkovskiy, 1978 – *Zayonchkovskiy P.A.* (1978). Pravitel'stvennyy apparat samodержавnoy Rossii v XIX veke. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. M. 288 p. [in Russian].

Zimanov, 1958 – *Zimanov S.Z.* (1958). Obshchestvennyy stroy Kazakhstana v kontse XVIII i pervoy polovine XIX vv. [The social structure of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX centuries]. Alma-Ata. 296 p. [in Russian].

Zimanov, 1960 – *Zimanov S.Z.* (1960). Politicheskyy stroy Kazakhstana v kontse XVIII i pervoy polovine XIX v. [The political system of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX centuries]. Alma-Ata. 293 p. [in Russian].

Zimanov, 2009 – *Zimanov S.Z.* (2009). Obshchestvennyy stroy kazakhov pervoy poloviny XIX v.i Bukeyevskoye khanstvo. [Public system of Kazakhs of the first half XIX century and Bukeyevskoye Khanate]. Almaty. 400 p. [in Russian].

Kasymbayev, 1995 – *Kasymbayev Zh.K.* (1995). Starshiy sultan Kunanbay Oskenbayev i yego okruzhniye. [Senior Sultan Kunanbay Oskenbayev and his entourage]. Almaty. 122 p. [in Russian].

Kasymbayev, 2000 – *Kasymbayev Zh.K.* (2000). General, sultan-pravitel' Baymukhamed Ayshuakov (1790–1847). [The general, the sultan-ruler Baymukhamed Aishuakov (1790–1847)]. Almaty. 188 p. [in Russian].

Lyubichankovskiy, 2003 – *Lyubichankovskiy S.V.* (2003). Gubernskoye pravleniye v sisteme gubernatorskoy vlasti v posledneye desyatiletie sushchestvovaniya Rossiyskoy imperii (na materialakh Urala). [Provincial government in the system of gubernatorial power in the last decade of the Russian Empire (on the materials of the Urals)]. Yekaterinburg. 275 p. [in Russian].

Masevich, 1960 – *Masevich M.G.* (1960), sost. Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana. T.1. [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata. 441 p. [in Russian].

Matsuzato, 2004 – *Matsuzato K.* (2004). General-gubernatorstva v Rossiyskoy imperii: ot etnicheskogo k prostranstvennomu podkhodu // Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. [The Governor-General in the Russian Empire: from the ethnic to the spatial approach]. Kazan'. pp.427–458. [in Russian].

Pochekayev, 2017 – *Pochekayev R.Yu.* (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyy faktor pravovoy politiki Rossiyskoy imperii v Tsentral'noy Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personality factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: XVIII – early XX century]. M.: Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki. 384 p. [in Russian].

PSZRI. T. XXXVIII, 1830a – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830. vol. XXXVIII, no. 29126, 1354 p. [in Russian]

PSZRI. T. XXXVIII, 1830b – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830. vol. XXXVIII, no. 29127, 1354 p. [in Russian]

PSZRI-2. T. XXIX, 1854 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1854. vol. XXIX, no. 28255, 910 p. [in Russian]

PSZRI-2. T. XXXVI, 1861 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1861. vol. XXXVI, no. 36816, 1057 p. [in Russian]

PSZRI-2. T.XLI, 1866 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1866. vol. XLI, no. 43306, 1079 p. [in Russian]

- PSZRI-3. T. XI, 1891 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. III. St. Petersburg, 1891. vol. XI, no. 7574, 685 p. [in Russian]
- Rakhimbekova, 2004 – Rakhimbekova A.K. (2004). Rol' imperskogo faktora v transformatsii kazakhskogo obshchestva (XIX – nachalo XX vv.) [The role of the imperial factor in the transformation of the Kazakh society (XIX – early XX centuries).]: dis. cand. history sciences. Almaty. 154 p. [in Russian]
- Remnev, 2000 – Remnev A.V. (2000). Regional'nyye parametry imperskoy «geografii vlasti» (Sibir' i dal'niy Vostok) [regional parameters of the imperial "geography of power" (Siberia and the Far East)]. *Ab Imperio*. № 3-4. pp.343-358. [in Russian]
- Speranskiy, 1905 – Speranskiy M.M. (1905). Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo (Vvedeniye k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.). Izdaniye "Russkoy mysli". [The plan for the state transformation of Count M.M.Speransky (Introduction to the Code of State Laws of 1809). The edition of "Russian thought"]. M. 120 p. // Library of electronic resources of the Faculty of History of Moscow State University. M.V. Lomonosov: site. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm> (reference date is August 10, 2017). [in Russian]
- Sultangaliyeva, 2015 – Sultangaliyeva G.S. (2015). Kazakhskiyе chinovniki Rossiyskoy imperii XIX v.: osobennosti vospriyatiya vlasti [Kazakh officials of the Russian Empire of the XIX century: peculiarities of perception of power]. *Cahiers de monde russe*. 56/4 Octobre-decembre. pp. 651-679. [in Russian]
- TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan] [in Russian]
- Burbank, Cooper, 2010 – Burbank, Jane and Frederick Cooper. (2010). Empires in World History. Power and the Politics of Difference. Princeton University Press. 511 p.
- Martin, 2010 – Martin V. (2010). Kazakh Chinggisids, land and political power in the nineteenth century: a case study of Syrymbet. *Central Asian Survey*. Vol. 29. pp.79-102.
- Velychenko, 1995 – Velychenko S. (1995). Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? *Russian Review*. Vol. 54 (April). № 2. pp.188-208.

УДК 94:323.37(47)(574) “1822/1901”

Казахская волость глазами русских чиновников XIX века

Гульмира Салимжановна Султангалиева ^{a, *}, Тенлик Токтарбековна Далаева ^b,
Бахытжан Усенович Маликов ^a

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Республика Казахстан

Аннотация. Приоритетной задачей российской власти при строительстве империи являлось административно-территориальное оформление новых пространств посредством инкорпорации традиционных институтов управления в единую политическую систему государства. В статье изучены взгляды русских чиновников (М. Сперанского, С. Броневского, П. Горчакова, К. Гутковского и других) на процесс становления института волостной системы управления в Казахской степи на протяжении XIX в. Социально-политические процессы интегрирования Степи требовали от региональных властей учета особенностей образа жизни, быта, культуры местных народов. Русские чиновники использовали особенности кочевого хозяйства при создании принципов оформления волостей как административно-территориальной структуры. Ими был определен механизма выборов и назначения волостных управителей. В статье исследованы причины изменения тактик региональной администрации при внедрении низовой территориальной единицы, механизм их преобразований, различные подходы в процессе волостного деления в Степи, выборов волостных управителей. На первом этапе при образовании волостей ими был использован принцип объединения близких казахских родов, соседственно кочующих и имеющих смежные зимние пастбища, вместо прямого территориального распределения пастбищ. На протяжении XIX в. изменились взгляды русских чиновников и на волостного управителя. К 60-м годам XIX в. они осознали, что принадлежность волостного управителя к привилегированному сословию (султанам) не дает возможности стать ему влиятельной фигурой в Степи и проводником политики российского правительства. Это стало толчком к новым инициативам о допуске почетных казахов на должности волостных.

Ключевые слова: Казахская степь, волость, Российская империя, русские чиновники, волостной управитель, административные реформы, казахские султаны, российские чины.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sultangaliyevagulmira@gmail.com (Г.С. Султангалиева), tenlik95@gmail.com (Т.Т. Далаева), malikov_bakytjan@mail.ru (Б.У. Маликов)